

Эпохальные
МЕМУАРЫ

БОРИС
ГРОМОВ

ОГРАНИЧЕННЫЙ
КОНТИНГЕНТ

Борис Всеволодович Громов

Ограниченный контингент

Серия «Эпохальные мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39471245

Ограниченный контингент / Борис Громов.: Прогресс; Москва; 2019

ISBN 978-5-6040917-9-1

Аннотация

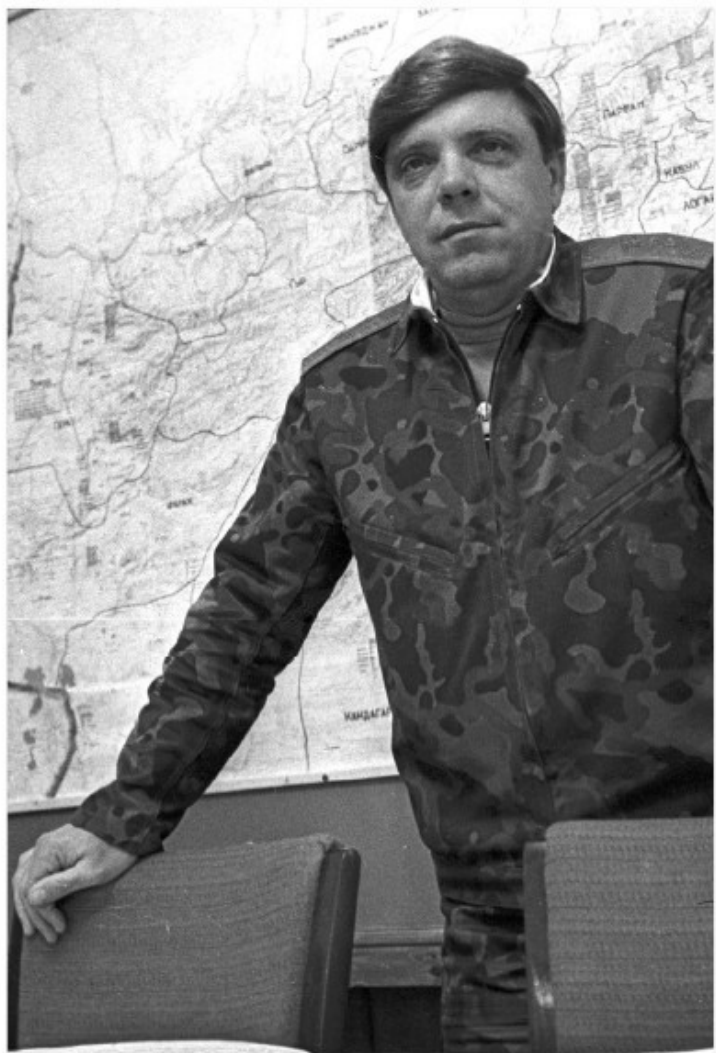
«За моей спиной не осталось ни одного советского солдата»...

Этими словами последнего командующего Ограниченного контингента советских войск в Афганистане генерал-лейтенанта Б.В. Громова 15 февраля 1989 г. окончилась Афганская война. Война, длившаяся десять долгих лет...

Автор данной книги, генерал-полковник Б.В. Громов, в общей сложности пять с половиной лет служил в Афганистане. Под его руководством был спланирован и осуществлен вывод советских войск из Афганистана. Но книга, которую вы держите в руках – это не только воспоминания последнего командующего ОКСВА. На основе множества документов автор анализирует причины ввода 40-й армии на территорию Афганистана, рассказывает о боевых действиях, проблемах и неудачах Ограниченного контингента советских войск.

Содержание

От автора	6
Задолго до войны	8
Особая папка	23
В тайниках истории	23
Страна гор	26
Обреченные на победу	29
На фронтах гражданской войны	32
«Мы не можем потерять Афганистан»	34
«БМП посылайте самолетами»	52
«Для ввода войск оснований нет»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Борис Громов

Ограниченный контингент

От автора

*Советским солдатам, погибшим и выжившим в
Афганистане, посвящаю
Громов Б. В.*

Великая Отечественная война длилась четыре года. Однако для того, чтобы написать ее полную, а главное, подлинную историю, исследователям не хватило и полувека. Наверное, не меньше потребуется времени и для анализа действий 40-й армии на территории Афганистана, которые продолжались более девяти лет.

Впервые мне предложили написать эту книгу 15 февраля 1989 года, сразу после завершения вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Затем последовало еще несколько подобных предложений. Очевидно, что интерес к событиям афганской войны с годами не ослабевает.

Я внимательно слежу за публикациями о 40-й армии и довольно часто ловлю себя на мысли, что подготовлены они людьми в большей степени пристрастными, чем компетентными. Наверное, правду об афганской войне и о мужестве

советских солдат никто, кроме воевавших там, так и не расскажет. Именно это и подтолкнуло меня написать о событиях, в которых я принимал непосредственное участие.

Я признателен военному журналисту Сергею Богданову за сотрудничество в работе над этой книгой.

Задолго до войны

*И верь, что родная Волга дала тебе силы
надолго.*

Родившись на берегу великой русской реки в самый разгар Великой Отечественной, о страшных годах минувшей войны я знаю лишь по книгам и рассказам. Но судьба распорядилась так, что на мою долю выпало участие в другой, не менее жестокой и трагической, афганской войне.

Моя военная жизнь началась в 12-летнем возрасте. В 1955 году я поступил в Саратовское суворовское военное училище. Это же училище в 1953 году окончил и Алексей, мой старший брат. До сих пор помню чувство зависти и восхищения, с которым я смотрел на его красивую форму.

В суворовском военном училище я получил хорошее образование. У нас работали опытейшие преподаватели, которые стремились не только дать знания по своим предметам, но и воспитать нас настоящими офицерами.

Помимо школьной программы в расписании были уроки бальных танцев, эстетики, музыки, истории искусств. Но больше всего нам нравились, естественно, военные дисциплины – строевая подготовка, стрельба, занятия на стадионе.

Один день в неделю все в училище говорили только на английском языке. От подъема и до отбоя. Это правило ка-

салось всех – и начальника училища, и суворовца-первогодка. Разумеется, то и дело возникали анекдотичные ситуации. Не каждый преподаватель владел языком, поэтому некоторые из них, в основном пожилые люди, пользовались разговорниками. На первых порах мы тоже по-английски говорили с горем пополам, но чувство юмора нас всегда выручало.

Мне до сих пор непонятно, на каком основании в 1960 году было принято решение о расформировании, а по сути дела, о разгоне нескольких училищ, в том числе и Саратовского, в результате чего в стране осталось только шесть СВУ. Нашу роту перевели в Калинин. Последние два года мы учились там.

Я воспитывался в семье, где главой дома был дед, Дмитрий Федорович Лебедев. Он родился в прошлом веке и прожил ровно 80 лет. Закончил юридический факультет Московского университета. В то время занятия еще проходили в старом здании университета, недалеко от Манежа. Получив образование, он вернулся в свой родной город Кузнецк, что в Пензенской области, и начал работать. Дела его шли неплохо, хотя и зажиточным деда назвать было нельзя. Юридическая практика позволяла сводить концы с концами. Там же он женился на Елизавете Анатольевне, моей бабушке. Она окончила гимназию в Кузнецке. Оба достаточно хорошо знали французский, что по тем временам не было редкостью в России.

До революции у них появилось два сына и дочь, моя мама.

Я не могу сейчас точно сказать о причине, но в конце тридцатых вся семья переехала в Саратов. К этому времени, в 1935 году, родился мой старший брат, Алексей, а в 1940-м, уже в Саратове, средний – Сергей.

Дед был очень недоволен тем положением, в котором оказался после революции. Прежде всего потому, что, за исключением короткого промежутка времени, был вынужден работать не по специальности. А она ему очень нравилась. И даже когда заходила речь о будущем внуков, он всегда настаивал на том, чтобы мы стали юристами. Тем более что в Саратове можно было получить специальное образование. Сам же он работал, сколько я себя помню, старшим бухгалтером на Приволжской железной дороге. После войны, как и все железнодорожники в то время, он получил воинское звание «младший лейтенант» и постоянно ходил в военной форме.

Насколько я могу судить, в молодости он был довольно высоким и почему-то походил на кавказца, хотя к Кавказу в нашем роду никто отношения не имеет. Носил усы и огромную шевелюру.

Они с бабушкой были страстными театрами. Так что свою любовь к театру я все-таки унаследовал от них. Несмотря на то, что Саратов считают провинциальным городом, в нем работало четыре театра – оперы и балета, драматический, ТЮЗ и кукольный. Каждое лето приезжали на гастроли театры из других городов. Я даже запомнил представления, которые давали актеры Свердловского театра оперетты.

Кроме того, в Саратове были цирк и филармония.

Появившееся в то время влечение к театру не мешало нам вести бурную дворовую жизнь. Правда, у меня она проходила под недремлющим оком среднего брата, который не отпускал меня от себя ни на шаг.

Сергей, несмотря на то, что старше всего на три года, всегда был самостоятельным и нес за меня вполне взрослую ответственность. Около двух лет я ходил в детский сад, и он ежедневно меня водил туда. Это было чем-то сродни подвигу, потому что родители не отпускали детей одних даже в школу.

Мы выросли на берегу Волги. Каждое лето строили плоты замысловатых конструкций. Учить Сергей меня пытался постоянно, даже тому, чего и сам-то толком не умел. Например, как держать молоток и забивать гвозди. Сначала себе по пальцу ударит, разозлится, гвоздь все-таки вобьет, а потом скажет: «Вот так надо делать». Больше всего я обижался, когда старался, помогал, подтаскивал какие-то доски, а в «плавание» уходили без меня. Да еще брат строго-настрого накажет: «С берега – ни шагу».

Когда моего терпения на все запреты брата не хватало, я от него просто сбегал. К тому времени у меня уже появилась своя небольшая компания. У нас было обычное городское детство послевоенных лет. Мы ходили купаться, играли в футбол и делали все, на что только хватало фантазии. Но одно занятие любили больше всего.

Каждую свободную минуту летом мы проводили на берегу реки. Почти ежедневно возле нашей пристани на сутки-другие швартовались баржи. Они были загружены огромными астраханскими и камышинскими арбузами и оседали настолько, что ватерлиния оказывалась под водой. Пацаны слетались на эти арбузы, как воробьи. Мы незаметно подплывали к барже с противоположной берегу стороны и, помогая друг другу, карабкались наверх.

На каждой барже обязательно сидел сторож с ружьем. Уж не знаю, чем оно у него было заряжено, но два раза он все-таки стрелял, правда, в воздух – жуткая картина. Но на следующий день мы все равно лезли на баржу и таскали эти самые арбузы. Из-за детской жадности в Волгу мы их скидывали множество, но вылавливали не все. У самих уже сил не хватало плыть, а тут еще и арбуз толкать нужно. Но по дватри все же добывали. Домой мы их не приносили, потому что сразу же пришлось бы отвечать на вопрос: откуда? У каждого из нас во дворе был собственный шалаш, в который войти постороннему без приглашения считалось большим грехом. Там мы их и трескали до одурения.

Раза три в неделю мы устраивали походы по крышам. На откосе, спускавшемся к Волге, дома стояли совсем близко друг к другу. Мы легко запрыгивали на крышу первого из них. Имея немного храбрости и используя деревья, по крышам можно было пройти целый квартал. Иногда приходилось прыгать со здания на здание, а ближе к реке их высота

становилась все больше. Честно говоря, порой было настолько страшно, что сердце замирало. Самым смелым у нас был Володя Гусев, будущий военный летчик, полковник. Он первым перемахивал через эти пропасти-проемы, а мы уж следом за ним. Грохот стоял по ночам невероятный. Несколько раз нас пытались поймать, однако все заканчивалось благополучно, если не считать порванных штанов. Но вид Волги и азарт приключений стоили того.

Наша страсть к высоте однажды чуть не закончилась для меня плохо. Мы с Володиёй Гусевым пытались влезть на новый тесовый забор, у которого еще не были закреплены столбы. Неожиданно он начал валиться прямо на нас. Я не успел отскочить и оказался придавленным этим забором. Когда трое подоспевших мужчин его наконец-то подняли, их удивлению не было предела – у меня не оказалось ни ссадин, ни ушибов. С тех пор брат считает это событие моим вторым рождением. В Афганистане, к слову, подобных случаев было несколько.

В детстве мы были неразлучны с птицами. В нашей семье существовала традиция: осенью бабушка обязательно покупала щегла. Всю зиму мы ухаживали за птицей и кормили ее. А весной, когда открывались окна, выпускали щегла на волю. Но самыми большими нашими друзьями были, конечно же, собаки. Их мы любили бесконечно, особенно дворняжек. Все мы в то время были, так сказать, щенками, поэтому понимали друг друга без слов.

Любовь к собакам сохранилась на всю жизнь. Даже во время последних двух командировок в Афганистан со мной постоянно была любимица нашей семьи – пудель Лелька.

В школе я проучился четыре года, пока не поступил в суворовское училище. Видя, как занимается старший брат, а бабушка с дедушкой проверяют у него уроки, накануне своего первого учебного года я подальше спрятал новенький портфель, чтобы его никто не нашел. Но портфель все-таки в самый последний момент обнаружили, и 1 сентября я с огромным букетом цветов стоял на торжественной линейке. Обрадовался тому, что в своем классе я знал почти всех мальчишек и девчонок. Кстати, именно тогда я впервые и попал в центральную прессу. Дело было так. На открытие новой школы в Саратов приехал писатель Лев Кассиль, работавший тогда в «Огоньке». Нужно было сделать снимок. Фоторепортеры завели меня в класс, и наша учительница Елена Васильевна сказала: «Изобразите с Тамарой, что вы не хотите сидеть друг с другом». Я отвернулся от девочки, она – от меня. Так в журнале рядом с большой статьей и появилась наша фотография с подписью: «Во втором «Б» классе происшествие. Боря Громов, оказавшись за одной партой с Тамарой Гараниной, ворчит: «Не буду я сидеть с девчонкой...»

В школе я начал активно заниматься спортом. У одного из наших друзей, Бори Епифанова, сестра работала тренером по плаванию. Она-то нас и обучила почти всем стилям плавания. Вставали мы очень рано, в шесть утра, и сразу шли

в бассейн. После этого – на уроки. В конце третьего класса я записался в секцию акробатики. Девятиклассники поднимали меня, единственного малыша, на самый верх какой-нибудь фигуры, и я там делал стойку на руках.

Нашим воспитанием занимался дед. Если бы не он, мы с братом выросли бы другими. Главная заслуга деда была в том, что он нам постоянно – хотели мы того или нет – втолковывал правила хорошего тона. Начиная с поведения дома – уважения к нему лично как к главе семьи, с уважения к женщинам – бабушке и маме. Впрочем, ему это не мешало употреблять порой очень резкие выражения по отношению к тем, кого он считал не совсем честными и умными.

Дед никогда не воспитывал нас с помощью ремня. Но мужское воспитание чувствовалось всегда. С одной стороны, я к нему испытывал огромную любовь, а с другой – побаивался.

В Саратове мы снимали квартиру в большом двухэтажном доме на самом берегу Волги. В одной средних размеров и двух крошечных комнатках жили дедушка, бабушка, мама и мы, двое братьев. Ни ванны, ни туалета, естественно, не было – все «удобства» находились на улице. Сами кололи дрова, топили печь и носили воду. Обходились маленьким умывальником, подвешенным на кухне. Там же – два небольших стола, на одном стоял примус, а на другом – посуда. Вскоре у нас появилась газовая плита – счастье по тем временам необыкновенное.

В большой комнате стоял стол, за которым, не особенно стесняя друг друга, могла уместиться вся семья. Мама работала в райсовете, уходила рано и поздно возвращалась. Как правило, все вместе собирались только на ужин. Каждый раз он сопровождался наставлениями деда – как правильно держать вилку или ложку, как нужно есть первое и второе, о чем говорить за столом...

Если, например, мы шли в кино, то после возвращения домой дед обязательно заставлял нас пересказывать фильм. Позже я понял, что это не было стариковским чудачеством, – таким образом он тренировал нашу память и прививал навыки правильной разговорной речи.

Дед был заядлым преферансистом, других карточных игр просто не признавал. Он был поочередно членом двух «команд». В первой играл два, три или четыре дня – когда как получалось. Заканчивалось все тем, что игроки разругивались «в усмерть», и дед переходил в другую. Там играл опять же три-четыре дня – пока все обиды не забывались. Затем все начиналось сначала.

Играли обычно на кухне, потому что по неписаным законам обязательно нужно было курить: преферанс без курева – это не игра. Садились вечером после работы, и, как правило, карточное действо продолжалось до четырех-пяти часов утра. Особенно много он играл, когда вышел на пенсию. Умение играть в преферанс я тоже перенял у деда, хотя и не довел свое мастерство до такого совершенства, как он.

Унаследовал я от деда и привычку курить. Это был своеобразный ритуал. Он приходил домой на обед, включал радио – довоенную «тарелку» – и сразу же закуривал. После этого клал дымящуюся папиросу на одну из пепельниц, которые стояли во всех комнатах, и шел мыть руки. Затем в другой комнате опять вставлял папиросу в мундштук и снова закуривал. Каждый день в квартире дымилось одновременно несколько папирос деда.

Я всегда с интересом смотрел на табачный дымок, поднимавшийся сначала ровной струйкой и в конце закручивавшийся спиралью.

Бабушка иногда упрекала деда в том, что он курит в присутствии детей, но это было бесполезно. Да и мы привыкли уже. Причем упрекала она его всегда только на французском языке. Наверное, чтобы мы не поняли. Первый раз я затянулся табачным дымом – хочешь не хочешь, а тянуло – в девять лет. В тот день дедушка был в комнате, бабушка на кухне, а я крутился в другой комнате возле обеденного стола. Давно тянуло, и я решился попробовать. Тем более что папироса уже горела – больше ничего и не требовалось. Я посмотрел по сторонам – никого из старших рядом не было. Насколько помню свои ощущения – гадость неопишутая. Закашлялся, подавившись дымом, во рту появился резкий противный привкус, закружилась голова. Несмотря на то, что дед регулярно прочищал мундштуки специальными приспособлениями, можно представить, что они собой представляли. Та-

ким был первый опыт.

Это единственное, что я унаследовал от деда плохого.

Наше уважение к нему на протяжении всей жизни было настолько велико, что брат, до сих пор живущий в Саратове, бережно хранит все его вещи и по сей день. Среди них и кресло, в котором он обычно сидел за столом. После обеда дед брал газету, разворачивал, принимался читать, ну и, как полагается, через пять минут, уже накрытый ею, засыпал.

Бабушка была очень заботливой, но в том, что касалось воспитания внуков, никогда на мягкость не сбивалась. Всегда проверяла у нас уроки, а для пацанов ничего более страшного не существует. Бабушка очень строго следила за нашим распорядком дня и приучала к пунктуальности. Очень много нам читала, особенно в раннем детстве. Благодаря ей мы все освоили грамоту еще до того, как пошли в школу. Бабушка прожила долго – 93 года. Последние восемь лет она уже не поднималась с постели. Возле нее до последнего дня был средний брат – Сергей.

Мама, Марина Дмитриевна, человек, для меня святой. Счастья на ее долю выпало мало. Рано потеряла мужа – наш отец погиб на фронте в год моего рождения, в 1943-м. Поэтому все заботы о семье – заработок, продукты, одежда – легли на ее плечи. Мама выполняла чисто мужскую работу – зарабатывала. Кроме нее и дедушки, который в то время, как и все, получал копейки (а потом и вовсе вышел на пенсию), обеспечивать семью было некому. Для нее самым главным в

жизни были дети и работа.

Сколько я маму помню, она работала всегда, часто и в воскресенье. В детстве испытывал даже чувство ревности: мне казалось, что она больше внимания уделяет совершенно чужим людям.

Я всегда грущу, вспоминая маму. Как много прекрасного дала ей природа и как мало отпустила времени для того, чтобы насладиться жизнью, счастьем и детьми! Мама постоянно живет во мне как воплощение русской женской красоты и души. В послевоенное время всем жилось трудно. И все-таки редкие выходные обходились без того, чтобы мы не побывали в театре. Причем по пути в театр мама рассказывала о предстоящем спектакле. Поэтому к восприятию того, что происходило на сцене, мы были уже подготовлены.

Старший брат, Алексей, для меня всегда был идеалом, чем-то недостижимым, как будто из другой жизни. Пожить с ним как братья мы так и не успели. Когда мне было три года, он поступил в суворовское училище. Домой приходил лишь в субботу и воскресенье. Я смотрел на него, на его красивую форму, а сам украдкой прятал штанишки с дырками на коленях – нищета кругом была.

Домой он один не приходил никогда – только вместе с друзьями. Нередко у нас в гостях был Юра Власов, будущий чемпион мира по тяжелой атлетике. К их приходу бабушка готовила шикарный по тем временам обед.

Суворовцы влетали в квартиру с шумом и гамом, всегда

веселые и жизнерадостные, сразу садились за стол. Иногда и нас с братом с собой сажали. Но чаще слышалось: «Брысь отсюда – не вырос еще». В основном это адресовалось мне – Сережу они посвящали во все свои суворовские дела. Вместе обсуждали последние новости, преподавателей, а может быть, говорили и про девчонок – не знаю.

Потом они уходили гулять. Обычно шли к себе в суворовское училище на танцы. Не часто, но мы с Сережей тоже туда ходили. Училище располагалось в центре города, и со второго этажа, где находился актовый зал со старинными колоннами, разносились звуки духового оркестра. Сверкала огромная люстра, в окнах были видны нарядно одетые девушки. Конечно, нас с братом постоянно туда тянуло.

После окончания суворовского Алексей получил распределение в Рязанское пехотное училище. Лейтенантом брата направили в Наро-Фоминск, а затем в Венгрию, где недавно закончился, как тогда писали, «контрреволюционный» мятеж. Домой он писал редко, но и по тем письмам, которые присылал, мы понимали, что служит он нормально. В семье за старшего брата были спокойны. Им гордились.

В 1963 году, когда я уже учился в военном училище в Петергофе, Алексея в сопровождении врача неожиданно привезли из Будапешта. Саркома лимфатических желез. Как нам сказали, он отравился. Оказалось, что в Венгрии ему уже сделали две операции, хотя ни в одном письме он и словом не обмолвился об этом. Состояние Алексея было безна-

дежным. В Саратов его привезли, чтобы он пожил немного в родных стенах.

Первое время Алексей лежал дома, затем его перевезли в госпиталь. Через полгода, во время моего курсантского отпуска, мы попеременно с Сергеем целые дни проводили в палате возле брата.

Мне уже нужно было уезжать. До училища я добирался два дня. Приехал – лежит телеграмма: Алексей умер.

Со средним братом, Сергеем, у меня сложились такие отношения, которых ни с кем нет и, наверное, не будет. Я с ним не только часто советуюсь, но как бы сверяю правильность своих шагов. В жизни ему пришлось значительно труднее, чем мне. Живя в Саратове, он вынес на себе всю тяжесть семейных трагедий. Сначала умер старший брат. Буквально через год не выдержала мама. Затем дедушка, который был Сергею особенно дорог. Через два года слегла бабушка.

Со временем Сергей женился. У него отличный сын Миша, Михаил Сергеевич, военный хирург, уже есть внучка.

Брат никогда не стремился к «большим высотам». Больше тридцати лет он проработал в НИИ газа и нефти. Я несколько раз предлагал ему помочь подыскать какое-нибудь другое место. Он категорически отказывается – прикипел сердцем к институту.

Сергей в моей жизни всегда был опорой и поддержкой. Именно ему я позвонил из Ташкента глубокой ночью в январе 1980 года. Связь, естественно, была отвратительной. По-

говорили мы минут пять, не больше. О многом и ни о чем. Понимая один другого. Он старался меня как-то успокоить: мол, не волнуйся, все будет нормально. Я ему тоже говорил, что все будет хорошо, не беспокойся. Что Ташкент – город хороший. Что здесь много снега. И что завтра я улетаю в Афганистан.

Особая папка

В тайниках истории

Последние подразделения 40-й армии были выведены с территории Афганистана в середине февраля 1989 года. Нескольких прошедших после этого лет хватило, в частности, для того, чтобы сформулировать политическую оценку участия Советского Союза в афганской войне.

Однако до сих пор неизвестны все обстоятельства, которые повлияли на решение о разворачивании 40-й армии. Это тем более вызывает недоумение, что направление боевых частей в конце 1979 года в Афганистан явилось одной из крупнейших внешнеполитических акций Советского Союза за всю его послевоенную историю.

Непосредственные участники уже не расскажут о том, как проходили заседания Политбюро ЦК КПСС, в ходе которых обсуждалось положение в Афганистане. Как принималось решение о вводе войск? Чем руководствовались члены Политбюро? По каким критериям оценивалась складывавшаяся в Афганистане обстановка? Кто в конечном итоге виновен в гибели тысяч советских военнослужащих, не по своей воле оказавшихся в чужой стране и принимавших участие в боевых действиях? На чьей совести резкое обострение кон-

фликта в Юго-Восточном регионе Азии и потеря Советским Союзом своих позиций во внешней политике?

Очевидно, что решения, связанные с урегулированием положения в Афганистане, советское политическое руководство принимало, основываясь на информации, регулярно поступавшей по каналам различных ведомств, в первую очередь Министерства иностранных дел. На Старую площадь стекались доклады партийных и военных советников, офицеров КГБ СССР, находившихся в Афганистане. Активно работали не только информационные, но и аналитические службы.

Насколько их справки, выводы и рекомендации соответствовали реальным событиям, происходившим в Афганистане, в НДПА и в вооруженных силах страны? В какой степени профессионально были спрогнозированы последствия тех или иных действий политического руководства СССР, в частности ввода в Афганистан советских войск?

Наша страна имеет свои традиции. Одна из них заключается в том, что истинная цена тому или иному человеку, политическому деятелю становится очевидной лишь после его смерти, да и то не сразу. Люди неохотно расстаются со своими тайнами. Поэтому я могу предположить, что достоверную историю принятия решения о вводе Ограниченного контингента советских войск в Афганистан мы узнаем нескоро.

Надеюсь, что усилиями исследователей на многие вопро-

сы рано или поздно ответ будет получен. Сейчас, на мой взгляд, важнее другое: нам нужно суметь сделать выводы из уроков прошлого, учесть ошибки и попытаться избежать их повторения в будущем.

Я не думаю, что документы из бывшего архива Политбюро ЦК КПСС, которые в книге публикуются впервые, нуждаются в пространных комментариях. Стенограммы заседаний Политбюро, записи разговоров и другие материалы, которые долгое время находились под строжайшим секретом, сами являются ярчайшей иллюстрацией к событиям недавнего прошлого.

Страна гор

Афганистан занимает значительную территорию на Среднем Востоке. Общая площадь страны составляет более 647 тысяч кв. км. Все граничащие с Афганистаном государства – Китай, Индия, Иран, Пакистан и бывший Советский Союз – оказали определенное влияние на внутривнутриполитическое положение в стране. Показательно, что именно при поддержке России, правительство которой 27 марта 1919 года первой признало суверенитет и независимость Афганистана, в августе 1919 года был подписан мирный англо-афганский договор. В результате этого страна освободилась от диктата колонизаторов и укрепила свои позиции в мире.

Историю Востока в определенном смысле можно рассматривать как нескончаемую череду заговоров, интриг и дворцовых переворотов. Не стали в этом отношении исключением для Афганистана и последние десятилетия. Правление королевской династии, которая существовала несколько столетий и сумела удержаться даже во время трех ожесточенных войн с англичанами, было прервано усилиями пусть и дальних, но все-таки членов семьи монарха. Летом 1973 года наследник Захир Шах отправился с визитом в Париж, где на третий день своего пребывания узнал о том, что он низложен. Главным организатором переворота оказался принц Мухаммед Дауд – двоюродный брат короля и премьер в его

правительстве.

Бескровный захват власти, осуществленный при поддержке антимонархически настроенных офицеров, вполне укладывался в рамки назревавших в Афганистане демократических перемен. С начала 1965 года в стране действовала Народно-демократическая партия Афганистана. У истоков ее образования стояли люди, с которыми спустя полтора десятка лет пришлось вплотную столкнуться и нам.

Однако, как говорят на Востоке, «Аллах все видит»: властью, которая добыта путем обмана и насилия, вечно пользоваться нельзя. Правление Дауда характеризовалось ростом оппозиционных настроений, причиной которых в первую очередь стало резкое падение жизненного уровня, упавшего за короткий срок почти в два раза. С интервалом в несколько недель одна за другой провалились три попытки свержения республиканского режима. Лишь в апреле 1978 года лидеры Народно-демократической партии Афганистана, предварительно морально разложив и перетаскив на свою сторону несколько армейских подразделений, сумели захватить власть в стране.

Но, добившись цели, НДПА тоже не смогла избежать раскола из-за жестокой внутренней борьбы. Окончательно сформировавшиеся через два года после учредительного съезда партии крылья «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя») находились в изматывающем противостоянии долгие десятилетия. Фракционная борьба была настолько ожесто-

ченной, что ее не смогли прекратить даже советские партийные советники.

Обреченные на победу

Уже 27 апреля 1978 года перспективы афганской революции были ясны. Генеральный секретарь ЦК НДПА Н. М. Тараки и его сторонники могли быть уверены в том, что им непременно будет оказана помощь со стороны Советского Союза. Несмотря на разногласия внутри только что сформированного правительства и партийную междоусобицу, новый кабульский режим не имел права расстаться с властью по нескольким причинам.

Революция ни в одной стране не могла погибнуть до тех пор, пока существовал Советский Союз. Это в первую очередь касалось тех государств, которые имели общую границу с СССР.

Уверенность Н. М. Тараки в том, что отсталый Афганистан сумеет одним прыжком преодолеть пропасть между дремучим феодализмом и социализмом, о чем он неоднократно заявлял, в определенной степени подогревало желание советского руководства оказать нарождающейся демократии максимальную помощь. Развитие событий в Афганистане должно было еще раз продемонстрировать, что вопреки утверждениям Запада коммунистическая идея не исчерпала своего потенциала.

Поддержка кабульского правительства позволяла советскому руководству попутно добиться нескольких целей. По-

терпев неудачу в Иране, Соединенные Штаты были озабочены поиском в Азиатском регионе равноценной замены ему. Таким партнером, при удачном стечении обстоятельств, мог стать Афганистан. Некоторые шаги М. Дауда свидетельствуют о том, что попытки США укрепиться на Среднем Востоке были близки к успеху. Однако апрельские события в Кабуле помешали этому, изменив ситуацию в пользу СССР. Традиционно дружественные отношения, которые поддерживались между нашей страной и Афганистаном, после апреля 1978 года можно было расценивать как стратегическую победу Советского Союза в регионе. Существование просоветского режима в Афганистане, кроме того, должно было явиться весомым аргументом, наглядно показывающим, что притязаниям западных держав на влияние в странах «третьего мира» могут быть поставлены жесткие ограничения.

Несмотря на то, что по сравнению с США Советский Союз имел в Иране более прочные позиции, падение шахского режима правления в этой стране грозило расширением исламского фундаментализма. Идея панисламизма в перспективе могла найти значительную поддержку в среднеазиатских республиках СССР. Революционный Афганистан в сложившейся ситуации становился серьезным препятствием для проникновения подобной идеологии.

До 1978 года правительство Советского Союза имело большой опыт поддержки своих партнеров по социалистическому лагерю. Мы оказывали не только колоссальную эко-

номическую помощь этим странам, но и не останавливались перед применением военной силы. Действия советского руководства во время событий в Венгрии и Чехословакии не принесли ему серьезных осложнений, если не принимать во внимание усилившееся диссидентское движение. Кроме Чехословакии и Венгрии были Куба, Вьетнам и некоторые другие государства, которым СССР оказывал непосредственную или косвенную поддержку. Таким образом, советскому руководству предстояло повторить то, что им уже делалось неоднократно. Отличие заключалось лишь в том, что на этот раз объектом внимания оказалась азиатская страна.

На фронтах гражданской войны

Афганские политические лидеры во многом схожи между собой. Большинство из них – дети состоятельных родителей и начинали свою жизнь в аристократической среде в атмосфере комфорта. Многие учились в одних и тех же колледжах, университетах, поэтому знают друг друга, как говорится, с младых ногтей. Развела в разные стороны и сделала их непримиримыми врагами отчаянная борьба за власть. С этой точки зрения апрельские события в 1978 году можно оценивать, кроме прочего, и как победу одной политической группировки над другой.

Оказавшись у власти, сторонники Н. М. Тараки, объединенные во фракцию «Хальк», были вынуждены вести борьбу на два фронта. С одной стороны, нельзя было допустить удара в спину от своих соратников по НДПА, а с другой – падения революционного правительства под натиском уже сформировавшейся оппозиции.

Весной 1979 года стало окончательно ясно, что в Афганистане полным ходом идет гражданская война.

15 марта в провинции Герат начались антиправительственные выступления, в которых самое активное участие приняли выходцы из пуштунских племен. Мятежников поддерживали военнослужащие артиллерийского полка и зенитного дивизиона, дислоцированные в Гератском гарнизоне. Од-

новременно с территории Ирана производилась переброска беженцев, которые должны были усилить волнения. Мятеж удалось подавить лишь 20 марта. На следующий день был раскрыт заговор в Джелалабадском гарнизоне. По обвинению в антиправительственных действиях было арестовано более двухсот тридцати солдат и офицеров. Эти события фактически поставили под угрозу само существование революционного режима в Кабуле. Они стали предметом обсуждения на самом высоком уровне и в Москве.

«Мы не можем потерять Афганистан»

Члены Политбюро ЦК 17 марта приехали на Старую площадь в неурочный час. Вопрос, который предложил обсудить Брежнев, касался резкого обострения обстановки в Афганистане. «Это не терпит отлагательства, – сказал он, разговаривая из своего кабинета на даче по телефону с Кириленко, – Я подъеду завтра».

Совершенно секретно.

Экз. единственный

ГРОМЫКО. Судя по последним сообщениям, которые мы получили из Афганистана как в виде шифротелеграмм, так и в разговоре по телефону с нашим главным военным советником т. Гореловым и временным поверенным в делах т. Алексеевым, обстановка в Афганистане сильно обострилась, центром волнений сейчас стал город Герат.

Там, как известно из предыдущих телеграмм, расположена 17 дивизия афганской армии, которая наводила порядок, но сейчас мы получили сведения о том, что эта дивизия по существу распалась. Артиллерийский полк и один пехотный полк, входящие в состав этой дивизии, перешли на сторону восставших. Банды диверсантов и террористов, просочившиеся с территории Пакистана, которые обучены и воору-

жены не без участия не только пакистанских властей, но и Китая, а также Соединенных Штатов Америки и Ирана, бесчинствуют в Герате. К мятежникам, которые проникли из Пакистана и Ирана на территорию провинции Герат, примкнула внутренняя контрреволюция. Особенно много ее из числа религиозников. Главари реакционных масс тоже главным образом относятся к религиозным деятелям.

Каково количество восставших, сказать трудно, но наши товарищи говорят, что их тысячи, именно тысячи.

Характерно отметить, что у меня был разговор в 11 часов утра с Амином — министром иностранных дел и заместителем Тараки, и он не высказал каких-либо тревожных мыслей относительно положения в Афганистане, а с олимпийским спокойствием говорил о том, что положение не такое уж сложное, что армия все контролирует и т. д. Одним словом, он выразился так, что положение у них надежное.

КИРИЛЕНКО. Одним словом, судя по докладу Амина, никакой нервозности руководство Афганистана в связи с этими событиями не испытывает.

ГРОМЫКО. Именно так. Амин даже сказал, что обстановка в Афганистане нормальная. Он говорит, что не зарегистрировано ни одного случая неповиновения губернаторов, то есть, что все губернаторы на стороне законного правительства. А в действительности, как докладывают наши товарищи, положение в Герате и в ряде других мест тревожное, там орудуют мятежники.

Что касается Кабула, то положение там, в основном, спокойное. Граница Афганистана с Пакистаном и с Ираном закрыта или, можно точнее сказать, – полузакрыта. Большое количество афганцев, ранее работавших в Иране, сейчас выдворено из Ирана и, конечно, они испытывают большое недовольство, многие из них тоже примкнули к мятежникам.

Какие меры мы наметили для помощи Афганистану, видно из тех предложений, которые имеются у вас на руках. Хочу сказать, что мы выделили дополнительно Афганистану 10 млн. рублей в валюте для охраны границы.

Поскольку Пакистан по существу является основным местом, откуда проникают на территорию Афганистана террористы, то казалось бы, что следовало афганскому руководству направить Пакистану ноту протеста или сделать заявление, одним словом, выступить с каким-то документом. Но афганское руководство этого не сделало. Конечно, это выглядит очень странно.

Я спросил Амина, какие действия вы считали бы необходимыми принять с нашей стороны? Я ему сказал, какую примерно помощь мы можем оказать. Других просьб он не высказал, только ответил, что он очень оптимально оценивает обстановку в Афганистане, что ваша помощь сослужит большую службу, что все провинции находятся под контролем законных властей. Я спросил, не ждете ли вы каких-то неприятностей со стороны соседних государств или

внутренней контрреволюции, религиозников и т. д.? Амин ответил твердо, что нет, угрозы для режима не имеется. В конце он передал привет членам Политбюро, лично Л. И. Брежневу. Вот такой был у меня разговор сегодня с Амином.

Через некоторое время, примерно через два-три часа, мы получили от наших товарищей известие о том, что в Герате начались беспорядки. Один полк, как я уже сказал, артиллерийский, ударил по своим, часть второго полка присоединилась к мятежникам. Следовательно, за правительством осталась примерно часть 17-й дивизии, которая охраняет Герат. Наши товарищи также говорят, что завтра, послезавтра на территорию Афганистана могут вторгнуться новые массы мятежников, подготовленные на территории Пакистана и Ирана.

Примерно через полчаса от наших товарищей вновь мы получили сообщение о том, что главного военного советника т. Горелова и поверенного в делах т. Алексеева пригласил к себе т. Тараки. О чем шла беседа с Тараки? Прежде всего он обратился за помощью к Советскому Союзу военной техникой, боеприпасами, продовольствием, что у нас предусмотрено уже в тех документах, которые мы представили на рассмотрение Политбюро. Что касается военной помощи, то Тараки сказал как-то мимоходом, что, может быть, потребуется помощь по земле ж по воздуху. Это надо понимать так, что потребуется ввод наших войск как сухо-

путных, так и воздушных.

Я считаю, что нам нужно будет прежде всего исходить из главного при оказании помощи Афганистану, а именно: мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан. Вот уже 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве. Несли сейчас Афганистан мы потеряем, он отойдет от Советского Союза, то это нанесет сильный удар по нашей политике. Конечно, одно дело применить крайнюю меру, если афганская армия на стороне народа, и совершенно другое дело, если армия не будет участвовать в поддержке законного правительства. И, наконец, третье, если армия будет против правительства, а следовательно, и наших войск, тогда дело будет очень сложным. Как сообщили т.т. Горелов и Алексеев, настроение у руководства, в том числе у т. Тараки, не особенно из приятных.

УСТИНОВ. Вместе с т. Алексеевым – нашим поверенным в делах в Афганистане – у Тараки был также и т. Горелов – наш главный военный советник. С т. Гореловым я только что говорил по телефону, и он сказал, что руководство Афганистана обеспокоено создавшейся обстановкой, особенно плохо дело обстоит в провинции Герат, а также в провинции Пакти. Плохо то, что дивизия, которая охраняет Герат, оказалась неустойчивой, командир дивизии в настоящее время находится на аэродроме, точнее, укрывшись там, и, конечно, никакими действиями оставшимися верными правительству полков не руководит. Имеется в виду,

что завтра утром (18 марта) в Герат будут направлены оперативные группы.

Мы посоветовали т. Тараки, чтобы некоторые части были переброшены в районы возникновения мятежа. Он в свою очередь ответил, что на это пойти трудно, так как и в других местах тоже неспокойно. Одним словом, они ожидают большого выступления со стороны СССР как наземных, так и воздушных сил.

АНДРОПОВ. Они надеются, что мы ударим по мятежникам.

КИРИЛЕНКО. Возникает вопрос, с кем же будут воевать наши войска, если мы их туда пошлем, С мятежниками, а к мятежникам присоединилось большое количество религиозников, это мусульмане и среди них большое количество простого народа. Таким образом, нам придется воевать в значительной степени с народом.

КОСЫГИН. Какая армия в Афганистане, сколько там дивизий?

УСТИНОВ. В афганской армии 10 дивизий, насчитывающих более 100 тысяч человек.

АНДРОПОВ. По оперативным данным нам известно, что из Пакистана направляется в Афганистан около трех тысяч мятежников. Это, главным образом, религиозные фанатики из числа народа.

КИРИЛЕНКО. Если народ восстанет, то, кроме лиц, прибывших из Пакистана и Ирана, которые в значительной

степени относятся к числу террористов и мятежников, среди масс, с которыми придется иметь дело нашим войскам, будут простые люди Афганистана. Правда, это поклонники религии, поклонники ислама.

ГРОМЫКО. Пока что очень неясно соотношение между сторонниками правительства и мятежниками. В Герате события развернулись, судя по всему, довольно бурно, потому что убито свыше тысячи человек. Но и там положение не достаточно ясное.

АНДРОПОВ. Конечно, мятежники, проникшие на территорию Афганистана, займутся прежде всего тем, что будут бунтовать и привлекать афганский народ на свою сторону.

КОСЫГИН. Я считаю, что проект постановления, который представлен, надо серьезно исправить. Прежде всего не нужно нам растягивать поставку вооружений до апреля, надо дать все сейчас немедленно, в марте. Это первое.

Второе, надо как-то поддержать морально руководство Афганистана, и я бы предложил провести такие меры: сообщить Тараки, что мы поднимаем цену на газ с 15 до 25 рублей за тысячу кубометров. Это даст возможность за счет повышения цен покрыть издержки, которые у них имеются в связи с приобретением оружия и других материалов. Нужно, по-моему, дать Афганистану бесплатно это оружие и никаких 25 процентов не называть.

ВСЕ. Правильно.

КОСЫГИН. И третье, мы намеряем дать им 75 тысяч тонн хлеба. Я думаю, что надо пересмотреть это и поставить Афганистану 100 тысяч тонн. Вот эти меры, мне кажется, следовало бы внести в проект постановления и, таким образом, мы поддержали бы афганское руководство морально. За Афганистан нам нужно бороться, все-таки 60 лет мы живем душа в душу. Конечно, хотя сильна борьба с иранцами, пакистанцами, китайцами, но Иран окажет Афганистану помощь, у него есть на это средства, тем более, они единомышленники в религии. Это нужно иметь в виду. Пакистан тоже пойдет на такую меру. О китайцах говорить нечего. Поэтому я считаю, что нам нужно принять товарищеское постановление и серьезно помочь афганскому руководству. Об оплате, я уже сказал, говорить сейчас не следует, тем более, как здесь написано, – в свободно конвертируемой валюте. Какая у них свободно конвертируемая валюта, мы с них все равно ничего не получим.

УСТИНОВ. Все, что записано в проекте постановления в смысле поставки вооружения Афганистану, все это делается, уже производится отгрузка и отправка этих машин. К сожалению, я не знаю, сможем ли мы до апреля все поставить, будет очень трудно. Я бы просил принять постановление, касающееся поставки вооружений, которое намечено здесь. Что касается оплаты за это вооружение, то это снять.

КОСЫГИН. Все же отгружать надо немедленно, бук-

важно с завтрашнего дня.

УСТИНОВ. Хорошо, мы это делаем и еще проконтролируем, чтобы уже завтра все эти материалы отгружались.

КИРИЛЕНКО. Давайте поручим т. Косыгину внести поправки в проект распоряжения Совета Министров СССР, который представлен нам, с учетом тех моментов, о которых здесь говорили. Завтра он представит нам этот документ в готовом виде.

КОСЫГИН. Обязательно, я приеду утром и все сделаю.

КИРИЛЕНКО. Нам нужно принять меры, чтобы все военные материалы отгрузить в марте.

КОСЫГИН. Но если, как говорит т. Устинов, невозможно отгрузить в марте все полностью, то, может быть, что-то второстепенное оставить на апрель, но пусть это будет незначительная малость.

Я хочу еще поднять такой вопрос: все-таки, что ни говорите, как Тараки, так и Амин, скрывают от нас истинное положение вещей. Мы до сих пор не знаем подробно, что делается в Афганистане. Как они оценивают положение? Ведь они до сих пор рисуют картину в радужном свете, а на самом деле мы видим – вот какие там делаются дела. Люди они, видимо, хорошие, но все-таки многое они от нас утаивают. В чем причина, понять трудно. Я считаю, что нам нужно будет решить вопрос с послом, Андрей Андреевич, скорее. Фактически этот посол не является авторитетным, и он не делает того, что полагается.

Кроме того, я бы считал необходимым направить дополнительное количество квалифицированных военных специалистов, пусть они там подробно узнают, что делается в армии.

Далее, я бы считал необходимым принять более развернутое политическое решение. Может быть, проект такого политического решения подготовят товарищи из МИД, Министерства обороны, КГБ, Международного отдела. Ясно, что Иран, Китай, Пакистан будут выступать против Афганистана, всеми мерами и способами мешать законному правительству и дискредитировать все его действия. Вот здесь-то и потребуются как раз наша политическая поддержка Тараки и его правительству. Конечно, и Картер будет тоже выступать против руководства Афганистана.

С кем нам придется воевать в случае необходимости введения войск, кто выступит против нынешнего руководства Афганистана? Они же все магометане, люди одной веры, а вера у них настолько сильна, религиозный фанатизм настолько бушует, что они могут сплотиться на этой основе. Мне кажется, что надо нам и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили за это время.

В самом деле, ведь до сих пор у них продолжают расстрелы несогласных с ними людей, почти всех руководителей не только высшего, но даже и среднего звена из партии «Парчам» они уничтожили. Конечно, сейчас трудно

нам сформулировать политический документ, для этого надо будет поработать товарищам, как я уже сказал, дать срок три дня.

УСТИНОВ. Все это правильно, что говорит Алексей Николаевич, делать это надо быстрее.

ГРОМЫКО. Надо готовить документы быстрее.

КОСЫГИН. Я считаю, что не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск. Пусть они у себя создают специальные части, которые могли бы быть переброшены на более острые участки для подавления мятежников.

УСТИНОВ. Я считаю, что нам ни в коем случае нельзя смешивать наши части, в случае, если мы их туда введем, с афганскими.

КОСЫГИН. Нам надо сформировать свои воинские части, разработать положение о них и послать по особой команде.

УСТИНОВ. У нас разработаны два варианта относительно военной акции. Первый состоит в том, что мы в течение одних суток направляем в Афганистан 105 воздушную дивизию и перебросим пехотно-моторизованный полк в Кабул, а к границе будет подтянута 68 моторизованная дивизия, а 5-я мотострелковая дивизия находится у границы. Таким образом, за трое суток мы будем готовы к направлению войск. Но политическое решение, о чем здесь говорили, нам нужно будет принять.

КИРИЛЕНКО. Тов. Устинов правильно ставит вопрос, нам нужно выступить против мятежников. В политическом документе об этом тоже надо ясно и четко сказать. Вместе с тем нужно нам повлиять и на Тараки, если уж дело коснется ввода наших войск, то решать этот вопрос требуется обстоятельно. Мы не можем вводить войска без обращения со стороны правительства Афганистана, пусть об этом знает и т. Тараки. И вразговоре т. Косыгина с Тараки об этом нужно как-то прямо сказать. Вместе с тем необходимо сказать Тараки, чтобы они изменили тактику. Нельзя применять в массовом масштабе расстрелы, пытки и т. д. Особое значение для них приобретает религиозный вопрос, отношение к религиозным общинам, религии вообще и религиозным деятелям. Это вопрос большой политики. И тут нужно будет Тараки со всей решимостью сказать, чтобы они не допускали никаких недозволённых приемов.

Документы нужно подготовить буквально завтра же. Завтра мы посоветуемся с Леонидом Ильичом, как нам лучше это сделать.

УСТИНОВ. У нас имеется и второй вариант, он тоже проработан. Речь идет о вводе двух дивизий в Афганистан.

АНДРОПОВ. Нам нужно принять проект постановления, который мы сегодня рассматриваем, с учетом тех изменений и поправок, о которых говорили товарищи. Что касается политического решения, его нужно также срочно готовить, потому что банды насаждают из Пакистана и Ира-

на.

ПОНОМАРЕВ. Мы должны будем направить около 500 человек в Афганистан в качестве советников и специалистов. Нужно, чтобы эти товарищи все знали, что им делать.

АНДРОПОВ. Под Гератом было 20 тысяч гражданских лиц, которые приняли участие в бунте. Что касается переговоров с Тараки, то нам надо будет это сделать. Но, мне кажется, что лучше, чтобы поговорил с Тараки т. Косыгин.

ВСЕ. Правильно. Лучше, если поговорит т. Косыгин.

АНДРОПОВ. Политическое решение нам нужно разработать и иметь в виду, что на нас, наверняка, повесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан.

ПОНОМАРЕВ. К сожалению, мы многого не знаем об Афганистане. Мне кажется, что в разговоре с Тараки надо поставить все вопросы и, в частности, пусть он скажет, каково положение в армии и в стране в целом. У них ведь сто-тысячная армия и при помощи наших советников эта армия могла бы сделать очень многое. А то какие-то 20 тысяч мятежников одерживают победу. Прежде всего надо сделать все необходимое силами афганской армии, а потом уже, когда действительно возникнет необходимость, вводить наши войска.

КОСЫГИН. Я считаю, что оружие нам посылать нужно, но если мы будем убеждены в том, что оно не попадет в

руки мятежников. Если их армия развалится, то, следовательно, это оружие заберут мятежники. Затем возникает вопрос о том, как мы будем выступать перед мировым общественным мнением. Все это надо обосновать, то есть, если уж мы будем вводить войска, то надо подобрать соответствующие аргументы, все подробно объяснить. Может быть, кому-то из ответственных товарищей поехать в Афганистан для выяснения более подробно обстановки на месте. Возможно, т. Устинову или т. Огаркову.

УСТИНОВ. Дело в Афганистане осложняется. Надо говорить сейчас, мне кажется, о политических акциях, которые мы еще все не использовали. И, с другой стороны, нужно полностью использовать афганскую армию. Я думаю, вряд ли мне надо ехать в Афганистан, я в этом сомневаюсь. Может быть, кому-то из членов правительства выехать.

КОСЫГИН. Все же нужно вам, Дмитрий Федорович, поехать туда. Дело в том, что мы посылаем в Афганистан большое количество оружия и надо, чтобы оно осталось у революционных масс. У нас в Афганистане около 550 советников, они должны знать состояние дел в войсках.

УСТИНОВ. Даже если кто-то из нас и поедет в Афганистан, то за несколько дней, конечно, положение не узнаешь.

ГРОМЫКО. Я думаю, что переговорить с Тараки надо или А. Н. Косыгину, или Д. Ф. Устинову, скорее, все-таки т. Косыгину.

КОСЫГИН. Прежде чем с Тараки говорить, мне надо со-

гласовать этот вопрос с Леонидом Ильичом. Я завтра поговорю с Леонидом Ильичом и затем поговорю с Тараки.

АНДРОПОВ. Нужно и по существу сегодняшних наших решений подробно проинформировать Леонида Ильича.

ГРОМЫКО. Нам надо поговорить о том, как быть, если будет худшее положение. Сегодня ситуация в Афганистане пока что неясна для многих из нас. Ясно только одно – мы не можем отдать Афганистан врагу. Как этого добиться, надо подумать. Может быть, нам и не придется вводить войска.

КОСЫГИН. У всех нас единое мнение – Афганистан отдавать нельзя. Отсюда – нужно разработать прежде всего политический документу использовать все политические средства для того, чтобы помочь афганскому руководству укрепиться, оказать помощь, которую мы сейчас уже наметили, и как крайнюю меру оставить за собой применение военной акции.

ГРОМЫКО. Я хочу еще подчеркнуть, что главное, о чем мы должны обстоятельно подумать, это дать ответ, как мы будем реагировать в случае критической обстановки. Тараки уже говорит о тревоге, а Амин пока что высказывает оптимистические настроения. Одним словом, как вы видите, афганское руководство, по-моему, неправильно оценивает положение дел в армии и в стране в целом.

ПОНОМАРЕВ. Афганская армия совершила революционный переворот, и я думаю, что при умелом руководстве со

стороны правительства она твердо могла стоять и стоит на позициях защиты страны.

КИРИЛЕНКО. Дело в том, что многих командиров в армии посадили и расстреляли, что оказало большое негативное влияние на армию.

ГРОМЫКО. Одной из важных задач является укрепление армии, это основное звено. Именно всю ориентировку надо держать на политическое руководство страны и армию. И все же надо сказать, что афганское руководство многое от нас скрывает. Оно как-то не хочет быть откровенным с нами. Это очень печально.

АНДРОПОВ. Мне кажется, что нам надо проинформировать об этих мероприятиях социалистические страны.

КИРИЛЕНКО. Мы много уже говорили, товарищи, мнения у нас ясны, давайте подведем итог.

1. Надо будет поручить т. Косыгину уточнить документ, который представлен, записать туда поставки 100 тысяч тонн хлеба, увеличение цены на газ с 15 до 25 рублей, снять вопрос о процентах, о твердой валюте и т. д.

2. Нужно будет поручить т. Косыгину переговорить с т. Тараки, как они оценивают положение в Афганистане и что от нас требуется. При разговоре с Тараки т. Косыгину руководствоваться состоявшимся на Политбюро обменом мнениями.

3. Третий вопрос, о котором здесь говорили, заключается в том, чтобы поручить т.т. Громыко, Андропову, Усти-

нову и Пономареву разработать политический документ с учетом обмена мнениями о нашей линии в отношении Афганистана.

4. Надо обратиться к Пакистану по линии МИДе тем, чтобы пакистанское правительство не допускало вмешательства во внутренние дела Афганистана.

5. Я думаю, что мы должны согласиться с предложением т. Устинова относительно помощи афганской армии в преодолении трудностей, с которыми она встретилась, силами наших воинских подразделений.

6. Послать в Афганистан хороших военных специалистов как по линии Министерства обороны, так и по линии КГБ для подробного выяснения обстановки, сложившейся в афганской армии и вообще в Афганистане.

7. В нашем проекте постановления должен присутствовать пункт о подготовке материалов, разоблачающих вмешательство во внутренние дела Афганистана со стороны Пакистана, Ирана, США, Китая, и этот материал публиковать через третьи страны.

8. Поручить т.т. Пономареву и Замятину подготовить материалы относительно вмешательства Пакистана, США, Ирана, Китая и других стран против Афганистана и направлять этот материал для печати по мере его готовности.

9. Нужно продумать внимательно, как мы будем отвечать на те обвинения, которые могут выдвинуть другие

страны против СССР, когда нас будут обвинять в агрессии и т. д.

10. Надо будет разрешить Министерству обороны развернуть две дивизии на границе между СССР и Афганистаном. И, наконец, как здесь предлагали, нужно будет нам проинформировать социалистические страны о тех мероприятиях, которые мы наметили.

Есть ли другие предложения у товарищей?

ВСЕ. Здесь все учтено.

КИРИЛЕНКО. Хорошо. Я сейчас постараюсь связаться с т. Черненко и передать ему наши предложения.

ВСЕ. Правильно.

КИРИЛЕНКО. Я сейчас переговорил с т. Черненко, он считает, что предложения намечены правильные и постарается проинформировать об этом Леонида Ильича. Давайте на этом заседание сегодня закончим.

«БМП посылайте самолетами»

Характерной чертой всех революций является жестокость, с которой проводятся общественные преобразования и насаждаются новые порядки. Апрельская революция в Афганистане не стала исключением из этого правила. Парадоксально, но идея решительного применения насильственных методов культивировалась в первую очередь гуманитариями, представителями афганской интеллигенции. Профессиональный литератор, «основоположник афганского реализма» Нур Мухаммед Тараки в телефонном разговоре с А. Н. Косыгиным, который публикуется без сокращений, считает, что возникшие проблемы можно и нужно решать только советским оружием.

Совершенно секретно.

Особая папка

КОСЫГИН. Скажите т. Тараки, что я хочу передать ему большой привет от Леонида Ильича и от всех членов Политбюро.

ТАРАКИ. Большое спасибо.

КОСЫГИН. Как здоровье т. Тараки, не очень он устает?

ТАРАКИ. Не устаю. Сегодня было заседание Революционного совета.

КОСЫГИН. Это хорошо, я очень рад. Попросите Тараки

(разговор велся через переводчика. — Б. Г.), может быть, он охарактеризует обстановку в Афганистане.

ТАРАКИ. Обстановка нехорошая, ухудшается. В течение полутора последних месяцев с иранской стороны было заброшено около 4 тысяч военнослужащих в гражданской одежде, которые проникли в город Герат и в воинские части. Сейчас вся 17-я пехотная дивизия находится в их руках, включая артиллерийский полк и зенитный дивизион, который ведет огонь по нашим самолетам. В городе продолжаются бои.

КОСЫГИН. Сколько в дивизии людей?

ТАРАКИ. До 5 тыс. человек. Все боеприпасы и склады в их руках. Из Кандагара самолетами возим продукты питания и боеприпасы нашим товарищам, которые сейчас ведут с ними бои.

КОСЫГИН. А сколько там людей осталось у вас?

ТАРАКИ. 500 человек. Они находятся на гератском аэродроме во главе с командиром дивизии. В подкрепление им мы послали туда из Кабула на самолетах оперативную группу. Она находится с утра на аэродроме Герата.

КОСЫГИН. А офицерский состав дивизии тоже изменил или часть находится с командиром дивизии на аэродроме?

ТАРАКИ. Небольшая часть на нашей стороне, остальные находятся у противника.

КОСЫГИН. Среди рабочих, среди городских мещан и служащих в Герате вы имеете поддержку? Есть еще на вашей

стороне кто-то?

ТАРАКИ. Активной поддержки со стороны населения нет. Оно почти целиком находится под влиянием шиитских лозунгов. «Не верьте безбожникам, а идите за нами» – пропаганда на этом построена.

КОСЫГИН. Сколько населения в Герате?

ТАРАКИ. 200–250 тыс. человек. Они ведут себя в зависимости от обстановки. Куда их поведут, туда они и пойдут. Сейчас они на стороне противника.

КОСЫГИН. А рабочих там много?

ТАРАКИ. Мало очень, – всего 1–2 тыс. человек.

КОСЫГИН. Какие перспективы, по Вашему мнению, в Герате?

ТАРАКИ. Мы считаем, что сегодня вечером или завтра утром Герат падет и будет полностью в руках противника.

КОСЫГИН. Какие же дальнейшие перспективы?

ТАРАКИ. Мы уверены, что противник будет формировать новые части и пойдет дальше в наступление.

КОСЫГИН. У вас нет сил нанести им поражение?

ТАРАКИ. Если бы были...

КОСЫГИН. Какие же ваши предложения по этому вопросу?

ТАРАКИ. Мы просим, чтобы вы оказали практическую и техническую помощь людьми и вооружением.

КОСЫГИН. Это вопрос очень сложный.

ТАРАКИ. В противном случае мятежники пойдут в сто-

рону Кандагара и дальше в сторону Кабула. Они приведут половину Ирана в Афганистан под флагом гератской дивизии.

Вернутся афганцы, которые убежали в Пакистан. Иран и Пакистан работают по одному плану против нас. И поэтому, если вы нанесете сейчас по-настоящему удар по Герату, то можно будет спасти революцию.

КОСЫГИН. Об этом сразу узнает весь мир. У мятежников есть рации, они сразу же сообщат.

ТАРАКИ. Я прошу, чтобы вы оказали помощь.

КОСЫГИН. Мы должны по этому вопросу посоветоваться.

ТАРАКИ. Пока будете советоваться, Герат падет, и будут еще большие трудности и для Советского Союза, и для Афганистана.

КОСЫГИН. Теперь, может быть, вы мне скажете, какие вы прогнозы даете по Пакистану и потом отдельно по Ирану?

У вас нет связей с передовыми людьми Ирана? Вы не можете им сказать, что у вас главный враг сейчас – Соединенные Штаты. Иранцы очень озлоблены против Соединенных Штатов и в пропагандистском плане это, очевидно, можно использовать.

ТАРАКИ. Мы сегодня сделали заявление иранскому правительству, передали его по радио, указав, что Иран вмешивается во внутренние дела в районе Герата.

КОСЫГИН. А Пакистану вы не считаете нужным сделать какое-либо заявление?

ТАРАКИ. Завтра или послезавтра сделаем такое заявление по Пакистану.

КОСЫГИН. Вы надеетесь на свою армию? Какова ее надежность? Вы не можете собрать войска, чтобы ударить по Герату?

ТАРАКИ. Мы считаем, что армия надежна. Но снять войска из других городов, чтобы направить их в Герат, мы не можем, так как это ослабит наши позиции в других городах.

КОСЫГИН. А если мы быстро дадим дополнительно самолеты и оружие, вы не сможете сформировать новые части?

ТАРАКИ. Это потребует много времени, и Герат падет.

КОСЫГИН. Вы считаете, что если Герат падет, то Пакистан предпримет такие же действия со своей границы?

ТАРАКИ. Вероятность этого очень велика. Моральный дух пакистанцев после этого поднимется. Американцы оказывают им соответствующую помощь. После падения Герата пакистанцы также направят в гражданской одежде солдат, которые начнут захватывать города, и иранцы будут активно вмешиваться.

Успех в Герате – это ключ ко всем остальным вопросам, связанным с борьбой.

КОСЫГИН. Какие бы вы хотели иметь с нашей стороны

внешнеполитические акции, заявления? У вас есть какие-либо соображения по этому вопросу в пропагандистском плане?

ТАРАКИ. Надо сочетать и пропагандистскую и практическую помощь. Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула.

КОСЫГИН. До Кабула надо еще дойти.

ТАРАКИ. От Кушки очень близко до Герата. А в Кабул можно доставить войска на самолетах.

Если вы пришлете войска в Кабул, и они пойдут из Кабула на Герат, то никто ничего не узнает, по нашему мнению. Будут думать, что это правительственные войска.

КОСЫГИН. Я не хочу Вас огорчать, но скрыть это не удастся. Это будет известно всему миру через 2 часа. Все начнут кричать, что началась интервенция в Афганистане со стороны Советского Союза.

Скажите, т. Тараки, если мы на самолетах поставим вам оружие в Кабул, включая танки, то вы найдете танкистов или не найдете?

ТАРАКИ. Очень небольшое количество.

КОСЫГИН. А сколько?

ТАРАКИ. Точных данных не имею.

КОСЫГИН. А если на самолетах быстро прислать вам танки, необходимые боеприпасы, дать минометы, то вы

найдете специалистов, которые могут использовать это оружие?

ТАРАКИ. На этот вопрос ответа я не могу дать. На него могут ответить советские советники.

КОСЫГИН. Значит, можно понять так, что в Афганистане хорошо подготовленных военных кадров нет или их очень мало. В Советском Союзе прошли подготовку сотни афганских офицеров. Куда же они все делись?

ТАРАКИ. Большая часть их – мусульмане-реакционеры, ахванисты, или, как они еще называются, братья-мусульмане. На них положиться не можем, не уверены в них.

КОСЫГИН. В Кабуле сейчас сколько населения?

ТАРАКИ. Около 1 млн. человек.

КОСЫГИН. Вы не можете еще 50 тыс. солдат набрать, если дать вам оружие быстро по воздуху? Сколько вы можете набрать людей?

ТАРАКИ. Мы можем набрать некоторое количество людей, прежде всего из молодежи, но потребуются большое время, чтобы их обучить.

КОСЫГИН. А студентов нельзя набрать?

ТАРАКИ. Можно говорить о студентах и учащихся 11–12 классов лицеев.

КОСЫГИН. А из рабочего класса нельзя набрать?

ТАРАКИ. Рабочего класса в Афганистане очень мало.

КОСЫГИН. А беднейшее крестьянство?

ТАРАКИ. База может быть только из лицеев стар-

ших классов, студентов и немного из рабочих. Но научить их — это долгая история, Но когда нужно будет, пойдем на любые меры.

КОСЫГИН. Мы приняли решение срочно поставить вам военное имущество, принять в ремонт вертолеты и самолеты — все это бесплатно. Приняли также решение поставить вам 100 тыс. тонн зерна, повысить цену на газ с 21 доллара за 1 тыс. куб. метров до 37,82 долл.

ТАРАКИ. Это хорошо, но давайте поговорим о Герате.

КОСЫГИН. Давайте. Не можете ли вы сейчас сформировать несколько дивизий из передовых людей, на которых Вы можете положиться, и не только в Кабуле, но и в других местах? Мы бы дали соответствующее вооружение.

ТАРАКИ. Нет офицерских кадров. Иран посылает в Афганистан военных в гражданской одежде. Пакистан посылает также в афганской одежде своих людей и офицеров. Почему Советский Союз не может послать узбеков, таджиков, туркменов в гражданской одежде? Никто их не узнает.

КОСЫГИН. Что вы еще можете сказать по Герату?

ТАРАКИ. Хотим, чтобы к нам послали таджиков, узбеков, туркменов для того, чтобы они могли водить танки, так как все эти народности имеются в Афганистане. Пусть оденут афганскую одежду, афганские значки и никто их не узнает. Это очень легкая работа, по нашему мнению. По опыту Ирана и Пакистана видно, что эту работу

легко делать. Они дают образец.

КОСЫГИН. Конечно, вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим вам ответ. Мне кажется, что вам нужно было бы попытаться создавать новые части. Ведь нельзя рассчитывать только на силу людей, которые придут со стороны. Вы видите по опыту иранской революции, как народ выбросил всех американцев отсюда и всех других, которые пытались изображать из себя защитников Ирана.

Условимся с Вами так: мы посоветуемся и дадим Вам ответ. А Вы, со своей стороны, посоветуйтесь со своими военными, с нашими советниками. Есть же силы в Афганистане, которые будут вас поддерживать с риском для жизни и будут бороться за вас. Эти силы сейчас надо вооружить.

ТАРАКИ. Посылайте боевые машины пехоты самолетами.

КОСЫГИН. А у вас есть кому водить эти машины?

ТАРАКИ. На 30–35 машин есть водители.

КОСЫГИН. Они надежны? Не уйдут к противнику вместе с машинами? Ведь наши водители языка не знают.

ТАРАКИ. А вы пришлите машины вместе с водителями, которые знают наш язык – таджиками, узбеками.

КОСЫГИН. Я и ожидал такого ответа от вас. Мы товарищи с вами и ведем совместную борьбу, поэтому стес-

няться друг друга нечего. Этому надо все и подчинить.

Мы вам еще позвоним, скажем наше мнение.

ТАРАКИ. Передайте наше уважение и наилучшие пожелания товарищу Брежневу, членам Политбюро.

КОСЫГИН. Спасибо. Передайте привет всем своим товарищам. А вам желаю твердости в решении вопросов, уверенности и благополучия. До свидания.

«Для ввода войск оснований нет»

В воскресенье А. Н. Косыгин проинформировал членов Политбюро о состоявшемся с Н. М. Тараки телефонном разговоре и о последних телеграммах, полученных утром из Кабула. Обсуждение продолжилось.

Совершенно секретно.

Экз. единственный

КИРИЛЕНКО. В Герате 17-я дивизия насчитывает 9 тысяч человек. Неужели они все бездействуют и перешли на сторону противников правительства?

КОСЫГИН. Перешли пока что, по нашим данным, артиллерийский и один пехотный полк и то неполностью, а остальные поддерживают правительство.

УСТИНОВ. Что касается таджиков, то у нас нет отдельных таких формирований. Даже сейчас трудно сказать, сколько их служит в танковых частях нашей армии.

КОСЫГИН. Зенитный батальон, который находится в Герате, тоже перешел на сторону противников.

УСТИНОВ. Амин, когда я с ним говорил, тоже просил ввести войска в Герат и разбить противника.

КОСЫГИН. Тов. Тараки говорит, что дивизия, находящаяся в Герате, наполовину перешла на сторону противника. Остальная часть, считай, что тоже не будет поддержи-

вать правительство.

УСТИНОВ. Афганская революция встретила на своем пути большие трудности, говорит Амин в разговоре со мной, и спасение ее зависит только от Советского Союза, В чем дело, почему так получается? Дело в том, что руководство Афганистана недооценило роль исламской религии. Именно под знамена ислама переходят солдаты, а абсолютное большинство, может быть, за редким исключением, верующие. Вот почему они просят от нас помощи отбить атаки мятежников в Герате. Амин сказал, правда, очень неуверенно, что у них опора на армию есть. И опять так же, как и т. Тараки, обратился с просьбой о помощи.

КИРИЛЕНКО. Следовательно, у них нет гарантий относительно своей армии. Они надеются только на одно решение, а именно: на наши танки и бронемашинны.

КОСЫГИН. Нам, конечно, принимая такое решение относительно помощи, надо серьезно продумать все вытекающие отсюда последствия. Дело это очень серьезное.

АНДРОПОВ. Я, товарищи, внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к такому выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т. д. Мы

знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск.

КОСЫГИН. Может быть, нам следует дать указание нашему послу т. Виноградову, чтобы он пошел к премьер-министру Ирана Базаргану и сказал ему о недопустимости вмешательства во внутренние дела Афганистана.

ГРОМЫКО. Я полностью поддерживаю предложение т. Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего и в него надо будет стрелять. Правильно отметил т. Андропов, что именно обстановка в Афганистане для революции не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия ожидаются от такой акции. Отпадет вопрос о встрече Леонида Ильича с Картером, и приезд Жискара д'Эстэна в конце марта вста-

нет под вопрос. Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно Уставу ООН, страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы они подверглись агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междоусобица, бои одной группы населения с другой. К тому же надо сказать, что афганцы официально не обращаются к нам относительно ввода войск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.